

«НАДЕЖДА СПАСЕНИЯ»
Флорида

«МСМ»
Санкт-Петербург
2016

КНИГА ВТОРАЯ

ЛОРИ
ВИК

*Посвящается:
Джеффу и Энн Вик,
Дареллу и Джейн Колстад,
Крису и Маргарет Аренас,
Джону и Шерил Вик.
Вы занимаете особое место
в моем сердце и в моей жизни.
Да благословит всех вас Бог!*

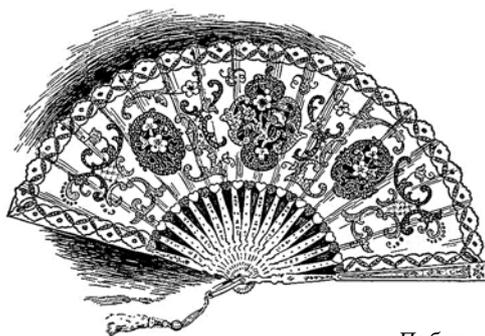

КЕНСИНГТОНСКИЕ ХРОНИКИ

На протяжении девятнадцатого века Кенсингтонский дворец служил олицетворением благородного наследия молодой королевы Британии и простой элегантности той незабываемой эпохи. Викторианская эпоха явилась кульминацией английской мечты, временем умопомрачительных приключений и возвышенной любви. События данной серии книг происходят как раз в это время, когда надежда дарила обещание.

ПРОЛОГ

*Побережье штата Мэн
1828 год*

Два маленьких паренька бежали по песчаному берегу, яростно размахивая палками, которые заменяли им мечи. Когда старший мальчик, бежавший сзади, стал приближаться, младший, спасаясь от погони, бросился к скалам, вскарабкался наверх и крикнул брату:

— Теперь моя очередь, теперь я буду Клэнси. А ты можешь побыть пиратом.

— Нет, я старше, поэтому я больше похож на Клэнси.

— Вечно ты Клэнси, — недовольно пробурчал младший.

— Это потому, что я всегда побеждаю, — резонно заметил старший.

Младший плюхнулся на камни, рядом лежал забытый «меч». Его брат тоже забрался наверх, и оба принялись смотреть вдаль на Атлантический океан.

— Как ты думаешь, Клэнси и вправду был таким, как о нем говорят, гонял на всех парах и набивал трюм золотом и драгоценными камнями?

— Конечно, — заговорил старший брат с уверенностью, хотя у него не было никаких доказательств. — Он был лучшим моряком во всем мире.

— А его корабль, — подхватил младший, — Расскажи мне о его корабле.

Старший мальчик горделиво выкатил грудь.

— Это был самый быстрый корабль во всей Атлантике и даже во всем *мире*.

Младший порывисто вздохнул, и его взгляд снова устремился на море.

— А как ты думаешь, он еще жив?

— Жив? Не говори глупостей, — рассмеялся старший. — Если бы он был жив до сих пор, то ему было бы уже больше ста лет!

Младший казался настолько огорченным, что старший пожалел его.

— Но это не важно. Мы знаем, что он был величайшим моряком во все времена. Хватит и того, что он родился и вырос в Мэне и что другого такого Клэнси больше никогда не будет...

— Что это, папа? — спросила у заботливого отца сидящая в тазу малышка.

Он пощекотал ее животик.

— Это твой пупок, Смоки.

Маленькая трехлетняя девочка засмеялась и вскочила, обтекая водой и пытаясь выбраться из таза. Ее отец, Клэнси Симмонс, ждал с полотенцем в руках. Он плотно закутал ее в полотенце и сел в кресло, поближе к печи, держа на руках и согревая свою Смоки.

— У меня пять пальцев, папа, — заявила она с гордостью, изучая ногу, которую ей удалось высунуть из полотенца.

— Ты забыла о второй ноге, — напомнил ей Клэнси. — У тебя десять пальцев на ногах.

— А у тебя тоже десять? — поинтересовалась Смоки. Ее огромные дымчато-серые глаза пристально смотрели на его заросшее бородой лицо.

— Ну, разумеется. Такими нас сотворил Бог.

Они продолжали болтать о всякой всячине, и всего через несколько минут Смоки была уже в ночной рубашке и снова сидела на коленях отца. Тепло печи и легкое покачивание корабля вскоре усыпили ее. Клэнси склонился над койкой, глядя на спящую Смоки, когда к нему подошел первый помощник по имени Дарси.

Дарси остановился, наблюдая за склоненной сидящей головой своего капитана, и попытался понять, о чем тот думает.

— Мне не верится, что будущим летом ей будет уже четыре года, — тихонько произнес Клэнси.

— Так и есть, капитан, — отозвался Дарси. — Моя сестра говорит, что они растут прямо на глазах, да так быстро, что кажется, будто это какой-то фокус.

— Вики любила бы ее без памяти, — сказал Клэнси тихим голосом, на что его помощник ничего не ответил. — Сегодня я меняю Смоки пеленки, — продолжал Клэнси после недолгой паузы уже более бодрым голосом, явно нуждаясь в том, чтобы отвлечься от болезненных воспоминаний, — а завтра я весь такой расчувствовавшийся надеваю на нее подвенечное платье. У меня есть мой Бог, мой корабль, моя команда и много лет впереди, чтобы наслаждаться общением с дочерью. О чем еще можно мечтать человеку?

— Я не спрашиваю тебя, Смоки, я приказываю тебе. Мистер Таккер *поплывет* с нами, и он *будет* давать тебе уроки.

— Мне не нужен этот мистер Таккер. Мне нравится, когда меня учит Дарси. — Ее маленькие руки были скрещены на груди, а подбородок сердито вздернут.

— Тебе восемь лет, Смоки... — голос Клэнси был нежным, но твердым, — и тебе уже давно пора научиться читать и считать. Ты вьешь из Дарси веревки, и когда тебе не хочется учиться, тебе удается уговорить его. С мистером Таккером этот номер не пройдет.

Смоки ничего не ответила, и Клэнси посмотрел ей прямо в глаза. Он ожидал, что она подчинится ему и признает, что ей нужно учиться, но она еще сильнее вздернула подбородок, и Клэнси знал, что пришла пора применить более суровые меры.

— Тебе запрещается заходить в камбуз, лазать на мачты и проводить на палубе больше двух часов в день до тех пор, пока ты не прочитаешь в моем присутствии две страницы из книги.

Упрямство Смоки тут же как рукой сняло, а ее худенькие плечи опали. В это время к капитану подошел Дарси, он услышал его ультиматум, обращенный к дочери, и словно онемел.

— Ты это серьезно? — спросила Смоки притихшим голосом.

— Боюсь, что да. — Голос Клэнси был по-прежнему ласковым. — Твое образование — это очень важное дело, и я слишком сильно люблю тебя, чтобы позволить тебе остаться неучем.

— Хорошо, — произнесла Смоки через мгновение. Ее подбородок был снова вздернут, но на этот раз данный жест означал решимость. — Я буду заниматься с мистером Таккером. Я научусь читать и писать, и считать тоже. Вот увидишь!

Когда она пошла прочь, оба смотрели ей вслед — один с восхищением, а другой с тревогой.

— Разве вас не беспокоит, капитан, — спросил Дарси, — что в случае со Смоки вы лишаете ее не игрушек, а возможности лазать по мачтам?

Клэнси рассмеялся и похлопал молодого человека по спине.

— Дарси, вы еще молоды, слишком молоды, чтобы так волноваться. Она никогда не интересовалась игрушками. И, как видите, мои слова возымели на нее нужное действие. Она научится читать, а это именно то, что мне нужно.

И Клэнси, совершенно довольный таким поворотом дела, пошел своей дорогой, тогда как Дарси, искренне желая доверять своему легендарному капитану, продолжил работать...

— Ты — Клэнси, — сказала Смоки, обращаясь к отцу, со смешанным чувством благоговения и досады. — *Тот самый* Клэнси.

Клэнси, знавший, что рано или поздно это случится, глубоко вздохнул и стал ждать продолжения.

— Я прочитала этот старый журнал, который нашла на книжном стенде, когда мы заходили в порт. Люди думают, что ты легенда.

Клэнси взял журнал из рук дочери и быстро пробежал глазами содержание нескольких страниц.

— Смоки, — начал он после минутного молчания, надеясь, что в этот момент никто из его команды не станет его отвлекать. — Люди любят создавать себе героев и поклоняться легендам, которые рождаются в их воображении. Кроме того, они любят все преувеличивать, — добавил он тихо.

— Что ты хочешь этим сказать? — Милые глаза десятилетней Смоки пристально изучали лицо отца.

— Я хочу сказать, что мои выходки сильно преувеличены. Чтобы сделать все, что молва приписывает Клэнси, потребовалось бы лет двести.

— Но ведь ты совершил какие-то большие дела, верно?

— Да, совершил, — признал он честно. — Я всегда плавал на быстрых кораблях, и в мои молодые годы я никогда не упустил случая рискнуть и принять вызов. Мой отец выучил меня хорошо, и я много раз входил в порт с полным трюмом товаров, стоимость которых равнялась целому состоянию. Но в этом не было ничего магического. Я работал, что было сил, и всегда держал свое слово. В общем, мне доверяют. Я доставляю товар до места и делаю это быстро. Когда кому-то нужно доставить что-то особенно ценное, зовут меня.

И не забывай, что меня назвали в честь моего отца. Он тоже был моряком, пусть не таким отчаянным, каким бывал я, но моряком. Имя Клэнси на слуху уже более шестидесяти лет.

Смоки внимательно смотрела на своего отца, словно видела его впервые. Этот взгляд не доставил удовольствия пожилому человеку.

— Я по-прежнему твой отец, Смоки, — заговорил Клэнси проникновенно. — Я по-прежнему люблю тебя без памяти. Я никогда не стремился стать для тебя героем или легендой. Я просто хочу быть хорошим отцом, который воспитывает тебя по Божьим уставам.

Тогда Смоки встала со стула и обвила руками шею отца. Они обнялись, и тревожные мысли девочки ушли сами собой. Что бы о нем ни говорили — правду или небывицы, — он был самым чудесным отцом, какой только мог быть у девочки. Его слова развеяли все сомнения и страхи.

— Мне страшно, папа, — плакала Смоки в своей койке, когда волны бросали судно вверх и вниз, как игрушку.

— Тебе нечего бояться. — Лицо пожилого человека было спокойным, когда он присел на край ее койки и обнял. — Тебе было всего девять лет, когда ты доверила Христу свое спасение, и теперь ты должна снова довериться Ему в этой буре. Если наш корабль и потонет, то это произойдет по Его воле.

Мгновение спустя Смоки начала громко молиться, как она делала уже много раз прежде. Когда она перестала говорить с Господом, Клэнси тоже помолился. В его голосе была спокойная уверенность. Закончив молиться, он стал ждать ее вопроса. Она задавала его всякий раз, когда их настигала буря, и Клэнси никогда не мог отказать ей в ее просьбе.

— Расскажи мне о маме.

— Она любила тебя, — сказал ей Клэнси без вступления. — И она много лет мечтала о твоём рождении. Мы поженились, когда мне было почти сорок. К тому времени она думала, что навсегда останется старой школьной учительницей без мужа и собственных детей.

— И тогда пришел ты, — подсказала Смоки.

— Верно. И это была любовь с первого взгляда. Она написала рапорт об уходе из школы, и в то же лето мы поженились. Мы оба полагали, что у нас вскоре появятся дети, но этого не случилось. Мы ждали много лет и уже совсем перестали ждать, когда Бог подарил нам тебя.

— И ты назвал меня в честь мамы.

— Верно. Она не хотела этого, но мне очень нравится имя Виктория, и она смирилась.

— А потом она умерла, — добавила Смоки тихим и серьезным голосом.

— Да, так было угодно Богу, и я знаю, что она с Ним. — Голос Клэнси был таким же тихим. — Она была уже немолодой женщиной и не смогла оправиться после родов. У нее были

родственники — пожилая тетка и сестра, — которые предлагали забрать тебя к себе, но я не мог тебя отдать. Я знал, что твое место было рядом со мной. Если бы только твоя мать могла видеть тебя сейчас. Двенадцать лет.

Тут Клэнси заметил, что дочь наконец заснула. Шторм продолжался, но Смоки уже перенеслась в мир снов.

Клэнси поднялся на ноги, балансируя с легкостью опытного моряка, и тихо повторил про себя: «Если бы только она могла видеть тебя сейчас...»

— А когда мы сможем на него посмотреть?

— Терпение и еще раз терпение. Тебе в твоём возрасте уже пора приобрести это качество.

— Ты говоришь так, как будто мне сто лет!

— Шестнадцать, — уточнил Клэнси с задорным огоньком в глазах. — Многие девушки в этом возрасте уже замужем и воспитывают своих детей.

— Я согласна, если только мой муж захочет жить на корабле.

Клэнси рассмеялся, но Смоки не слышала его. Она наконец заметила другой корабль, а Клэнси сделал шаг назад и стал смотреть на восторженное лицо дочери.

— О, папа, — выдохнула она с тихим почтением, разглядывая аккуратный сияющий корабль напротив, — какой красавец. Как он называется?

— «Арамис».

— Ты и вправду собираешься его купить? — спросила Смоки, не оборачиваясь к отцу.

— Я его уже купил.

Этих слов было достаточно, чтобы Смоки повернулась. Увидев выражение его лица, она издала ликующий крик.

Ее руки мгновенно обвили его шею, после чего она кинулась обратно к поручню, чтобы получше разглядеть их новый корабль. К ним подошел Дарси.

— Разве это не чудо, Дарси? Когда-нибудь я тоже буду им управлять.

Дарси с обожанием взъерошил шапку ее кудрявых волос.

— Такая малютка, как ты? Ты ничего не увидишь выше руля, — подшутил он.

— Вот только подожди, — пошутила Смоки в ответ. — Я буду высокой. Когда-нибудь я превращусь в настоящего гиганта...

— Ты обещал, что я буду выше, — добродушно говорила Смоки своему отцу в утро своего восемнадцатилетия.

Клэнси улыбнулся и поцеловал ее в лоб.

— С днем рождения, Смоки!

Смоки улыбнулась в ответ, и Клэнси принялся рассматривать дочь.

— Тебя ведь не очень беспокоит твой рост, верно?

Смоки пожала плечами.

— Иногда бывает. Мне бы не хотелось всю жизнь выглядеть, как маленькая девочка.

Клэнси медленно покачал головой. Он разглядывал огромные серые глаза и лицо в форме сердца, охапку черных волнистых блестящих волос и стройную фигурку, которая пряталась под немного мешковатой, но практичной одеждой.

— Возможно, ты и не высокая, но ты несколько не похожа на маленькую девочку. И если ты не веришь мне, спроси Русселя.

Смоки улыбнулась. Руссель был сыном другого капитана. Он был на два года моложе Смоки и по уши влюблен в нее.

Она же интересовалась им только как другом, но ей было приятно вспомнить, что кто-то находит ее привлекательной, хотя она никогда не носила женственной одежды.

Платья и юбки были бы просто неуместны на борту корабля, и временами Смоки совершенно не ощущала себя девушкой. Но отказ от мальчишеской одежды означал бы отказ от работы на корабле — тогда ей нельзя было бы лазать по мачтам, фехтовать на палубе с Дарси и помогать, когда корабль причаливал или отчаливал.

— У меня есть для тебя сюрприз. — Голос Клэнси прервал сбивчивые мысли Смоки, и она огляделась по сторонам.

— А где он?

— На палубе, — ответил Клэнси и пошел к выходу из каюты.

Оказавшись на палубе, он остановился около руля, повернулся и выжидающе посмотрел на дочь, но Смоки не увидела ничего приметного. Единственной новой вещью на палубе был стоящий прямо перед рулем деревянный ящик. Смоки вытянула ногу и коснулась его.

— Он не двигается. Я попросил Дарси приколотить его, — сказал отец.

— Зачем?

— Потому что это подарок на твой день рождения.

Смоки непонимающе перевела взгляд с отца на ящик. Когда же она снова посмотрела на него, Клэнси пояснил:

— Если ты будешь капитаном этого корабля во время нашего следующего плавания, то тебе нужно будет видеть выше руля.

— Я буду капитаном?! — воскликнула Смоки, не веря собственным ушам.

— Ну да. Я слышал, что есть партия прекрасной шерсти, которую нужно доставить в Австралию. Если ты хочешь ее получить, то тебе придется за ней сплавать.

— А ты?

— Я буду служить твоим помощником и вместе со всеми подчиняться твоим командам.

Смоки улыбнулась до самых ушей. Она поднялась на цыпочки и поцеловала отца в щеку, после чего обратилась к «своей» команде.

— Запасайтесь всем необходимым, — приказала она. — Мы выходим в море и вернемся домой не скоро.

— Тебе когда-нибудь хотелось, чтобы мы задержались на суше подольше, Смоки? Я хотел сказать, пожил бы здесь, обзавелись настоящим хозяйством?

Смоки внимательно и недоверчиво посмотрела на сидящего у противоположной стены гостиной отца. Теперь ему было семьдесят лет, но он мало изменился. Смоки он казался совсем не старым.

— Я никогда не знала ничего, кроме моря, папа. Я понимаю, что двадцать лет — это небольшой срок, но мы никогда не пытались превратить это жилище в дом, и моя каюта на «Арамисе» всегда нравилась мне больше, чем комната здесь.

— Ты правда так думаешь?

— Правда, — ответила она с улыбкой.

— А что будет после того, как меня не станет? — продолжал Клэнси, снова удивив ее.

Сознавая, что они почти никогда не говорили об этом, Смоки помедлила.

— Ну, я думаю, что мне не придется думать об этом еще лет двадцать, поэтому я, пожалуй, не стану беспокоиться об этом сейчас.

Клэнси кивнул и увидел, что его очаровательная дочь продолжила что-то писать.

«У нее никогда не было никого, кроме меня и команды, — подумал он про себя, разглядывая ее склоненную над столом голову. — Мне нужно будет вернуться к этому разговору как-нибудь в другой раз. Мы не можем делать вид, что я буду с ней вечно. И что она будет делать, когда я умру?»

— Что мне теперь делать, Дарси? — спросила Смоки, когда 16 августа 1848 года аккуратно завернутое в ткань тело ее отца погрузилось в волны Атлантики. — Ему было семьдесят три года, и он прожил чудесную и полноценную жизнь, но со мной он был все мои двадцать три года, и я не знаю, что буду делать без него.

Дарси молча взвешивал разные варианты. Пожалеть ее сейчас — это только усугубить ее боль, хотя он отлично понимал, что ей необходимо какое-то время скорбеть по отцу. И тогда он решил, что по крайней мере в данный момент ей лучше встряхнуться. Скорбеть она сможет и потом.

— Я скажу тебе, что делать, — ответил Дарси твердым голосом. — Ты будешь капитаном «Арамиса» и будешь управлять им так, как он научил тебя.

Смоки подняла на него удивленный взгляд и увидела, что рядом с ним стоит вся команда — 25 офицеров и матросов, и их глаза обращены не на воду, которая поглотила ее отца, а на нее. Смоки повернулась к ним лицом, и Дарси тут же отошел и встал рядом с другими мужчинами. Мгновение спустя главный боцман сделал шаг вперед. Его поза и голос выражали совершенное почтение.

— Что прикажете, капитан?

Ее удивление было таким, словно он чем-то бросил в нее. Она внимательно осмотрела все лица и встретила глазами

с каждым. Боцман в знак преданности снял свою фуражку. Смоки душили слезы, но она сдержалась.

— Меня влекут южные моря, — произнесла она негромким, но крепнущим с каждым словом голосом. — Сделайте все необходимые приготовления и поднимите паруса.

— Есть, капитан! — звучало в ответ.

Каждое ее слово было для них приказом. Она видела, как они расходились по своим местам. А она снова принялась смотреть на море.

— Ты справишься, — прошептала Смоки самой себе, — и ты сможешь делать это хорошо, спасибо папе. — Затем она помолилась, прося Бога о водительстве и мудрости. Делая это, она вдруг начала понимать, что чувствовал все эти годы ее отец, — долг, ответственность перед командой и одиночество, когда нужно двигаться вперед без того, кого ты любил.

Стоя за штурвалом, Дарси тайком наблюдал за своим новым капитаном. Он тоже молился. Но Смоки была бы удивлена, если бы узнала, что он молился о ней не как о капитане, а как о девушке. Он просил Бога привести в ее жизнь достойного мужчину. Того, кто будет любить ее и не испугается ее положения. Того, кто сумеет разглядеть в ней потрясающую женщину, какой она и являлась.

Дарси лучше других членов команды понимал, каким прекрасным капитаном она была. Однако он верил, что из нее выйдет еще более прекрасная жена и мать.

